

УДК 17.01

Е. В. Беляева

канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии культуры
 Белорусского государственного университета
 e-mail: bksisa@rambler.ru

РОЛЬ ИРОНИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ В ПОЗНАНИИ МОРАЛИ

Роль иронического отношения в познании выходит за границы эстетики и может быть рассмотрена применительно к этической проблематике. Актуальность такого подхода диктуется особенностями современного плюралистического мира и поисками стартегий правильной жизни в нем. Ироническое отношение присуще самой морали; это отношение между ее противоречивыми слоями смысла, одни из которых – скрытые, а другие – явные. Самовыявление этого обстоятельства в ее функционировании образует феномен иронии морали. Одновременно ироническое отношение – это способ познания объективной иронии морали, которое осуществляет коммуникативный моральный субъект в ходе практического освоения морали и самопознания. Ироническое отношение как способ познания позволяет выявить противоречивую смысловую глубину морали в контексте коммуникации.

Введение

Для определения роли иронического отношения в познании морали надо изначально отказаться от морализаторского представления о том, что ирония и мораль – «две вещи несовместные», поскольку ирония – это насмешка, а мораль – дело слишком серьезное, чтобы позволить себе иронизировать над ней. Речь пойдет не об иронии над моралью, а о внутренней иронии самой морали (подобной иронии судьбы или иронии истории), для которой именно ироническое отношение оказывается адекватным инструментом познания. Феномен иронии морали особенно отчетливо проявляется в современном обществе, в котором функционирует множество несопоставимых моральных дискурсов, а также их симулякров и фейков. Осмысление принципиального плюрализма современного мира и способов правильной жизни в нем (т. е. морали) предполагает поиск адекватного философского инструментария. Эту роль может выполнять ироническое отношение как способ познания, характеристики которого далеко выходят за границы как эстетики, так и постмодернистской философии.

Данная статья является продолжением работы [1]. Ироническое в ней рассматривалось как философская категория и культурная универсалия, различались понятия *ироничного* как субъективного отношения к объекту и *иронического* – того, что объективно присуще феномену иронии. Ироническое образуется в самой реальности в результате самовыявления смысла ситуации и предполагает наличие в объекте:

- 1) *слоев*;
- 2) *противоречивых слоев*;
- 3) *противоречивых слоев, один из которых – явный, а другой – скрытый*;
- 4) *противоречивых слоев смысла, один из которых – явный, а другой – скрытый*;
- 5) *соотношения явного и скрытого в противоречивых слоях смысла, в результате которого конституируется коммуникативный иронический субъект.*

Эта предварительная работа может послужить основой для обнаружения и интерпретации иронического в различных предметных областях, осмысления иронических параметров любого феномена, для использования *иронического отношения как способа познания, предполагающего выявление противоречивой смысловой глубины объекта в контексте коммуникации.* Ниже таким объектом иронического познавательного отношения становится мораль. При этом познание морали для субъекта – это не гносеологическая операция по получению «знания о...», а практическое освоение морали, а также самопознание в ходе осуществления нравственных актов. Обнаруже-

ние структур иронического в морали возможно в случае предельно широкого понимания ее как «пути правильной жизни», который задается нормами и ценностями.

Применительно к императивной составляющей морали категория иронического кажется малоприменимой. «Трудно представить себе иронический приказ или требование» [2, с. 365], т. к. в иронии должна присутствовать альтернатива доминирующему смыслу, а в требовании ее нет. А вот ценностный компонент морали, несомненно, ироничен, как верно и обратное: аксиологичность можно считать фундаментальным признаком иронического дискурса [3, с. 15], а значит, его пригодность для нравственной ценностной ориентации также можно обосновать. Даже в самой традиционалистской системе нравственности функционирование иронии не имморально, но, напротив, ценностно нагружено. Т. Г. Бочина, характеризуя иронию, представленную в русской паремике, демонстрирует ее отчетливую этическую направленность. Традиционные пословицы и поговорки иронизируют по поводу человеческих пороков (нечестности, воровства, лени и неловкости в труде, злости и отсутствия доброты), но никогда не содержат насмешки над болезнью или увечьем [4, с. 68–73]. Поэтому ирония, как и мораль, – аксиологический феномен, более того, в нравственности есть такие ценностные аспекты, которые могут быть выражены только иронически.

Поскольку ирония неразрывно связана с языком, то ироническое в морали представлено по преимуществу не на эмоционально-чувственном, а на рациональном уровне морального сознания. Будучи «этической вершиной», ирония не столько присуща обыденной морали, сколько проявляется в ходе моральной рефлексии. Лингвистика характеризует иронию как наиболее интеллектуальный аспект комического [4, с. 57]. «Восприятие любой шутки или иронии требует от говорящих больших интеллектуальных усилий», – пишет Н. Б. Мечковская [5, с. 146]. В то же время восприятие нравственности на уровне сопереживания, на уровне непосредственного чувства вряд ли может быть ироничным. «Иронию как явление отрицательное чаще рассматривали испытуемые с высоким уровнем эмпатии» [6, с. 205]. Вероятно, ирония в большей степени присуща рационализированной нравственной культуре.

Так, ироническое в моральных высказываниях можно обнаружить скорее на оценочном, чем на императивном уровне, скорее на уровне моральной рефлексии, чем на стадии непосредственного чувства. Однако главные проявления иронического в морали содержатся не столько в моральных суждениях, сколько в самом ее функционировании. Речь пойдет об объективной иронии морали, возникающей из-за наличия в ней противоречивых слоев смысла, один из которых явный, другой скрытый, а выявление их соотношения конституирует коммуникативного иронического субъекта морали.

Слои в морали как возможность иронического отношения

Возможность иронического в морали обеспечивается ее «слоистостью», которая проявляется в многообразии систем нравственности, различных нравственных образцов и конкретных кодексов, в плюрализме «моралей». Этические теории так или иначе вынуждены решать проблему соотношения множества исторически наслаивающихся систем нравственности, каждая из которых выступает как целостность нравственных представлений, определяющая горизонт конкретного субъекта морали. Современный синергетический подход с его принципом нелинейности позволяет по-новому интерпретировать историческую динамику морали, проблему существования множества различных систем нравственности, каждая из которых может быть обоснована в качестве значимой. При синергетической интерпретации историческое развитие нравственности не может быть охвачено единой логикой, оно не направлено к единственной цели и не детерминировано единственной причиной. «При отсутствии общего сценария, универсальной логики движения эволюции морали уместно, обозревая историю “мо-

ральных порядков”, говорить не о монолинейности, “эстафетном прогрессе”, не об одном общем стволе дерева эволюции или о единой шкале эволюции, но о разных “стволах” и “шкалах”», – отмечал В. И. Бакштановский [7, с. 8–9]. Нелинейность в динамике нравственности проявляется в том, что исторически сложилось несколько самостоятельных систем нравственности, которые отвечают условиям выполнения универсальных функций морали [8].

Исторически системы нравственности отрицают одна другую, а другая третью, в результате вся история нравственности, написанная с определенной моральной позиции, выглядит как история безнравственности. Любые нравы – повод для насмешки. Примером тому могут служить книги Э. Фукса [9], в которых главным документом нравов любой эпохи стала карикатура. Возмущение вызывают иронические высказывания о морали, которой привержен адресат иронического суждения, но кажутся вполне уместными, когда они критикуют и высмеивают чужую мораль. «Святыни каждого народа для всех других – не более чем предрассудки» [10, с. 286].

Конечно, соперничество различных систем нравственности часто воспринимается участниками как серьезная борьба добра со злом. Только ироническая отстраненность субъекта морали позволяет ему, если и не стать «над схваткой», то опознать в противоположающей стороне «другое добро». Так, ирония проявляется в диалектике различных видов добра и становится составляющей такой этической ценности, как справедливость. «Быть справедливым – писал В. Я. Янкелевич в книге «Ирония», – значит считаться со всем, не имея своей точки зрения, или, говоря еще точнее, принять бесконечное разнообразие точек зрения таким образом, чтобы они взаимно исправляли и корректировали друг друга» [11, с. 22].

«Слоистость» морали проявляется и в ее важнейшем феномене – норме. Поскольку моральные нормы не только неписаны, но зачастую вообще не формулируются, постольку ключевую роль при их реализации играет интерпретация. Прагматический контекст применения нормы отнюдь не задан вместе с ее содержанием, он историчен и ситуативен. В результате все множество трактовок нормы создает пространство иронического, которое чуткий моральный субъект немедленно обнаруживает. Вспоминается рассказ Л. Андреева, в котором черт, решивший перевоспитаться, спросил у священника, как выполнять норму «не убивай», и получил в ответ столько противоречивых советов, что отчаялся и вернулся к прежней жизни [12]. Это говорит о том, что в рамках однозначного «серьезного» восприятия нормы, как ни странно, нетрудно прийти к ее отрицанию, а вот ироническое «удержание без снятия» всех вариантов позволяет выполнять норму во множестве различных ситуаций.

Известная общезначимость моральных требований, обозначаемая в этике как «универсальность» или «всеобщность», также опирается на ироническое осмысление множественности морального мира. «Ирония, – пишет Е. Ю. Бралгин, – это и есть тот особый путь символизации смысла, который обеспечивает множественность интерпретации, а значит – становится общезначимостью... Общезначимость становится понятной для всех только в одном случае – в случае ее многовариантности, когда некое общезначимое содержание транслируется по-разному» [13, с. 175]. Ироническое осмысление снимает парадокс функционирования исторически ограниченных нравственных предписаний в качестве всеобщих.

«Благодатной почвой для иронии являются различного рода причинные и иные объяснения, обоснования и примыкающие к ним мотивировки (резоны) и аргументы. Все они по самой своей природе допускают и другие объяснения» [2, с. 352]. В результате ироническая многослойность присуща и моральной мотивации (не один Ф. М. Достоевский обнаруживал у своих героев «двойные мысли»), и обоснованию моральных поступков, каждое из которых справедливо, но никогда до конца не истинно. Поэтому

самоирония по отношению к собственным мотивам и действиям всегда была обязательным элементом морального самосознания и самосовершенствования. Таким образом, плюрализм систем нравственности и плюрализм интерпретаций выступают существенными характеристиками морали, задающими пространство иронического.

Противоречия в морали как предпосылка иронического отношения

Наличие в морали противоречий и, более того, антиномических противоречий очевидно и создает предпосылку «иронии морали». Главное противоречие, характеризующее сущность морали, – это противоречие должного и сущего, которое воспроизводится и в деятельности личности, и в общественном развитии, независимо от того, какой уровень должного ими достигается. Чем выше уровень нравственности человека, тем более требовательно он относится к своему нравственному поведению, любая «победа добра» сопровождается самокритикой морального субъекта, сознающего свою неспособность воплотить абсолютное добро и вынужденного довольствоваться частичным, возможным в данных условиях.

То, что мораль – это указание на принципиальное человеческое несовершенство, остро осознавалось большинством религиозных мыслителей, для которых «познание добра и зла» связывалось с грехопадением. Моральность мыслилась ими как низшая форма духовности, зиждущаяся на противоречиях, которую люди практикуют для перехода к более высокой ценности – святости, которая лежит за границами собственно морали. Подобно иронии судьбы, мораль есть ирония над нашей моральной самоуверенностью, она существует благодаря ироническому противоречию между абсолютными ценностями и их повседневным осуществлением. «Все высокое и нравственное самообесценивается через форму своего проявления, своей реализации», – замечает М. Т. Рюмина [14, с. 77], т. е. бытие нравственного по природе своей иронично. Не случайно Дон Кихот со своим стремлением к реализации высокого идеала рыцарства становится объектом насмешек, а «положительно прекрасный человек» Ф. М. Достоевского оказывается «идиотом».

Лингвистика свидетельствует, что «сигналом иронии является употребление высоких слов... в обыденных “низких” ситуациях и контекстах» [2, с. 344], а поскольку моральный дискурс в целом является «высоким», то в повседневной жизни он неизбежно оказывается либо ироничным, либо ироническим. Ироничным, если говорящий насмехается над моральными понятиями из-за их несоответствия реальной жизни; и ироническим, если, фиксируя разницу сущего и должного, говорящий критикует реальность.

Конечно, в моральных суждениях разница между идеалом и человеческим несовершенством часто фиксируется без иронии, в них однозначно осуждается порок, выражается возмущение недолжным положением вещей. Однако само противоречие, в котором происходит обнаружение нравственного смысла сущего через сопоставление с должным, является ироническим. В этом состоит разница между субъективным *ироничным* отношением к ситуации (которое может быть неуместным) и *ироническим* отношением как объективным самовыявлением смысла ситуации, не зависящего от эмоций и оценок индивидуального субъекта морали. Ироничное отношение к чужой боли, страданиям и смерти нравственно недопустимо, но этическое осмысление этих феноменов в форме трагической иронии имеет смысл. Перед лицом несправедливых и бессмысленных страданий мораль в некотором роде бессильна, поэтому решение этой проблемы на протяжении веков переносится за границы этики – в сферу теологии, которая и задает модели интерпретации смысла таких ситуаций. В архетипической истории бедного Иова Бог выступает тем главным ироником, который полагает дистанцию между собой и миром, своим всемогуществом и слабостью твари, между собой как истиной и иллюзорностью любых представлений человека. В этом сюжете Бог не насмехается над Ио-

вом, не относится к нему *иронично*, но демонстрирует объективное *ироническое* противоречие земного и божественного как явного и скрытого.

Познание объективной иронии морали способствует пониманию ее смысла. Именно на это была направлена сократическая ирония как способ познания моральной истины. Он состоял в том, чтобы привести человека к противоречию с самим собой и вывести его из состояния нравственного самодовольства. В противном случае однозначность и неироничность моральной позиции делают человека подверженным «иронии морали», сходной с «иронией истории». Претензии на однозначное понимание должного опасны для самой личности. Чем более тщательно, серьезно, бескомпромиссно она следует правилам морали, тем более агрессивной и аутоагрессивной оказывается ее жизненная практика, о чем свидетельствуют биографии и Савонаролы, и Держинского, и многих пуританских моралистов. Отсутствие иронии, монологичность нравственной позиции, однозначность смыслов и неулыбчивость моральных субъектов становятся источником чудовищных конфликтов, причина которых со стороны выглядит... смехотворно. «Умное лицо – еще не признак ума. Все глупости на свете делались именно с таким выражением» (Г. Горин. Тот самый Мюнхгаузен). Так, война католиков и протестантов, стоившая стольких жизней, в исторической перспективе выглядит ничуть не более содержательной, чем война остроконечников с тупоконечниками в «Приключениях Гулливера». В то же время ирония – не только способ смягчения конфликта. Ирония как «удержание противоречия без снятия» отдает отчет в его неустранимости, а значит важности и подлинной серьезности проблемы, которую нельзя разрешить насильем и другими безнравственными действиями.

Фиксируя противоречие между реальностью и моральными ценностями, ирония удерживает их, становясь каналом связи между ними. Она выступает незаменимым способом познания столь непостижимых вещей, как абсолютное добро, смысл жизни, истинное предназначение человека и прочих необыкновенно значимых вещей, откровенно не поддающихся однозначному определению.

Другая интерпретация иронического потенциала противоречия сущего и должного дана в романтизме. Стремление к недостижимо возвышенному идеалу считается здесь способом иронического возвышения над действительностью. В этом случае мораль выступает свидетельством не слабости, но, наоборот, духовной силы человека. Мораль становится способом иронического выявления того обстоятельства, что значимость т. н. «реальности», предполагающей «трезвый взгляд на вещи», «прагматический подход без сантиментов», оказывается весьма относительной при столкновении с твердыми нравственными принципами. Безнравственный человек, насмехающийся над «идеализмом» человека морального, сам находится в плену иллюзий, он воспринимает доступное ему понимание ситуации как единственное и истинное, в то время как мир моральных ценностей является скрытым, но куда более подлинным, а попытки игнорировать его значение приводят личность к жизненному краху. Ирония, постоянно различая подлинное и мнимое, способствует утверждению смысла морали, безнравственность же в этом контексте выглядит как серьезная, но бессмысленная позиция.

Таким образом, ирония морали состоит в том, что выявление ее положительного и значимого смысла происходит благодаря ее неосуществимости: должное принципиально невоплотимо в сущем, а всякое конкретное добро относительно в сравнении с абсолютной моралью.

Как и противоречие должного и сущего, противоречие добра и зла также является предпосылкой иронии. «Я часть той силы, что вечно хочет зла, творящей лишь благое» (Гёте). Известная относительность земных добра и зла и их общее несовершенство в сравнении с абсолютным создает пространство морального иронического. Вдобавок сама ирония морали двойственна и проявляется по-разному в зависимости от того,

какая из сторон противоречия оказывается мнимой, а какая подлинной, какая явной, а какая скрытой.

Явный и скрытый слои морали как основа иронического отношения

При обсуждении вопроса о том, что в морали явно, а что – скрыто и что чем в ней притворяется, сразу возникает подозрение, что мораль и есть притворство по существу. Установка на выявление неприглядной подоплеки поведения, именуемого моральным, стала общим местом общественного дискурса. Б. МанDEVИЛЬ с его «Басней о пчелах», Ф. Ницше с теорией ressentimentа, З. Фрейд с идеей бессознательного, М. Фуко с археологией идей и многие другие были одержимы идеей разоблачения морали как фикции, камуфлирующей подлинные стремления и ценности людей. Поскольку абсолютное воплощение добра и должного не происходит, то всегда есть возможность отрицать даже относительное воплощение моральных понятий и пользоваться ими как ширмой для неблагоприятных дел и обмана простаков. Мольеровский Тартюф являет собой классический образ морального лицемера. Такая ирония *над* моралью возможна в том случае, если сама критикуемая мораль неиронична, т. е. сводится к однозначному, непротиворечивому набору правил, имеющих столь же однозначное поведенческое выражение. «Ходячая добродетель» вызывает подозрение в том, что чем скрупулезней внешняя правильность такого человека, тем *больше* пороки за ней скрываются. Когда за фасадом декларативной морали проступает безнравственная мотивация, ироничное (а не ироническое) отношение к ней оправданно.

Другое дело, когда иронический процесс возникает в самой морали. При этом возможны различные варианты соотношения морально явного и морально скрытого: один, когда за внешними формальными проявлениями нравственности иронично скрывается более глубокая и содержательная мораль, и второй, когда ироник скрывает свою приверженность морали за видимой насмешкой над ней.

В первом случае, позиционируя нравственные нормы, моральный ироник отдает себе отчет в относительности их содержания и противоречивости в применении. Ироник – «человек, сомневающийся в своем конечном словаре» [15, с. 237]. Для неиронического же субъекта сомнение в нравственных нормах либо вообще недопустимо, либо становится поводом для отказа от выполнения нормы, которая не может быть твердо обоснована. Ирония обнаруживает за явной, но относительной нормой скрытый абсолютный смысл, за внешней формой предъявления нравственной ценности – ее истинную экзистенциальную значимость. Ирония способна соотнести историческую многослойность относительных и ситуативных моральных форм со все более глубокой, но ускользающей сущностью морали. Она преодолевает застывшие (постоянно застывающие в традиции) формы нравственности, осуществляя трансцендирование в сферу подлинной морали. Ироническое саморазоблачение конкретного морального феномена приводит не к развенчанию значимости морального, но к утверждению другого, более актуального его прочтения. В результате ироническое познание оказывается противоядием от цинического разоблачения морали и ее краха.

Во втором варианте соотношения явного и скрытого безнравственное находится на поверхности иронического отношения, нравственность же опять выступает как скрытая. «Иронизирующий – это тот, кто добр, но делает вид, что он злой» [11, с. 63]. Ирония в этом случае выступает как образ жизни, жизненная позиция, основанная на мнимом самоуничижении, мнимом умалении нравственных ценностей [16, с. 11]. В результате происходит «воплощение возвышенных компонентов духовной культуры в формах безжалостной негативности и альтернативных смыслов» [17, с. 18].

Еще более сложный случай представляет собой «двойная ирония», демонстрирующая многослойную игру явного и скрытого. Двойная ирония может рассматриваться

как двойное отрицание в диалектическом функционировании морального сознания. Например, заявляя, что «любовь должна быть единственной, верной и вечной», моральный субъект провозглашает действительную нравственную ценность и свою нравственную потребность в ней. Понимая, что возможность существования такой любви крайне низкая, а также что декларация убивает сам процесс ее обретения, субъект иронически дистанцируется от нее, скрыто занимая позицию отрицания: «на самом деле любовь не бывает единственной, верной и вечной». При этом, оставаясь в поле морали, он отрицает не нравственную ценность любви, а ее декларируемые характеристики и декларативные заявления о ней. Второе отрицание состоит в столь же насмешливом практическом отрицании скепсиса: когда со скептиком случается любовь, она феноменологически переживается как единственная, верная и вечная. Если циник насмехается над наивным моральным субъектом, то иронический моральный субъект насмехается по преимуществу над собой и над всеми аморальными рассуждениями, которые оказываются саморазоблаченными. Так в ироническом отношении происходит защита и воспроизведение нравственных ценностей. Заявляя свои нравственные ценности, моральный субъект относится к ним иронически, понимая смехотворность пафоса в столь относительной области. Эта трезвость позволяет разрушить ложный пафос фанатичного «отстаивания идеалов» и утвердить истинный пафос их экзистенциального переживания.

Действуя в социуме, субъект следует определенному набору нравственных правил. Отдавая себе отчет в их условности, он обращается к собственным убеждениям как основе моральной автономии, а затем иронически дистанцируется от них, с одной стороны, двигаясь в направлении абсолютных моральных ценностей, а с другой – возвращаясь к исполнению социальной роли на основе более продуманного ее нравственного смысла. Этот механизм продемонстрировал Дж. Леар, раскрывая в лекциях «Ирония и идентичность» природу иронического существования через взаимосвязь субъекта и его социальной роли, которую он обозначает как «социальное притворство». «Возможность иронии возникает тогда, когда открывается промежуток между притворством, поскольку оно доступно в социальной практике, и идеалом, который, с одной стороны, встроен в притворство – он действительно выражает все то, о чем это притворство – но который, с другой стороны, превосходит жизнь и социальную практику, в которой происходит притворство» [18, с. 11]. «Ирония – это вспышка (или инициирование) стремления к трансцендированию притворства» [18, с. 20]. При этом ирония вышшеается над установленными жизненными соглашениями, но не означает бегства от социальных обязанностей. В практике социального притворства мы осуществляем унаследованные способы реализации жизненных возможностей, однако опыт иронии позволяет обрести и другие возможности, и другие способы их реализации. Ирония – это возможность в жизни [18, с. 31].

Ответ на вопрос, почему при любом раскладе мораль оказывается в скрытом слое действительности, а перемещение в слой явного приводит к выхолащиванию ее сущности, лежит как в области психологии, так и в сфере диалектики. Психологически моральные смыслы относятся к глубинным переживаниям и в силу своего экзистенциального характера не выдерживают открытой манифестации. Поэтому ирония выступает как естественная защитная реакция нравственного человека, в отсутствие которой он сам ощущает непрерывный дискомфорт, раздражает окружающих моральными претензиями и буквально (как князь Мышкин) сходит с ума. Кроме того, сам принцип соотношения явления и сущности таков, что сущность всегда скрыта, потому и «подлинная мораль» неизменно оказывается в мире ноуменов, демонстрируя на поверхности явлений свои частичные и относительные воплощения, а то и вовсе полное отрицание самой себя. Однако следует заметить, что и в демонстративной безнравственности мо-

раль «блистает своим отсутствием», безнравственное явление вполне отчетливо указывает на норму, которой в данном случае пренебрегли.

Противоречивые слои морального смысла

Поскольку ироническое отношение возникает между противоречивыми слоями смысла, один из которых явный, а другой скрытый, вопрос об ироническом в морали превращается в вопрос о противоречивых смыслах в морали и о смысле самой морали.

В «Новой философской энциклопедии» говорится, что «смысл – внеположенная сущность феномена, оправдывающая его существование, связывая его с более широким пластом реальности», с целесообразным порядком вещей [19]. Для морали такое оправдание через смысл совершенно необходимо. Ведь мораль – феноменальная видимость, сущность которой не ясна. Феномен морали в явном своем выражении всегда несколько бессмыслен, т. к. его нормы и ценности не укоренены в бытовой реальности. Поэтому поиск смысла морали осуществляется в двух направлениях. С одной стороны, можно установить связь морали с социальными обязанностями и тем самым найти ее смысл, что и делают все натуралистические и социоцентрические этические учения. С другой стороны, быть моральным – это искать смысл моральных действий за пределами повседневности, задавая ей идеальную планку должного. Поскольку и явное, и скрытое имеют смысл, то, значит, есть явный смысл морали (исторически и ситуативно относительный), а также скрытый смысл морали (абсолютные ценности, «вечные истины морали»). Соответственно, вечная этическая проблема смысла жизни настоятельно требует иронического способа разрешения. Смысл открывается иронически: за бессмыслицей повседневной суеты просвечивает нравственная ценность всего сущего; и наоборот: всякий конкретный смысл конкретной жизни обманчив на фоне слоистой глубины всех возможных смыслов жизни.

Эта методика оправдания требований морали за счет помещения их в долгосрочную историческую и биографическую перспективу в высшей степени характерна для этических рассуждений. Внеположенная сущность морали, как и других феноменов, раскрывается тому, кто способен преодолеть свой эгоизм и мыслить себя и свои действия во все более широком контексте, в котором конкретно-бессмысленные акты вроде милосердия, самопожертвования или своевременной оплаты проезда раскрывают свой смысл. Поэтому бессмыслица является злом, ибо предполагает деструкцию феномена, его связей, его предназначения, при которой мораль утрачивает в глазах субъекта свое оправдание и ценность.

Данная проблема имеет, конечно, не только познавательный, но и прагматический аспект: есть ли смысл быть моральным, совершать моральное? Переживание субъектом бессмыслицы морали – предпосылка греха уныния и всех прочих грехов. И наоборот: мораль выступает как борьба за смысл; за то, чтобы установить связь норм и ценностей с практическими актами и связь повседневных дел с перспективой. Ирония при этом становится способом противостояния бессмыслице зла.

В мире бюрократизма, формализма, симулякров и других бессмыслиц ирония не просто психологически спасительна, но теоретически действенна: она не дает удовольствоваться «единственно правильным смыслом» и в то же время не позволяет свести всю глубину смыслов к игре «означающего без означаемого». Мораль, содержащая иронический аспект, предохраняет себя от двух равно опасных для нее крайностей: нагнетание единственного смысла приводит к неуместному пафосу, отсутствие смысла – к цинизму. В этом контексте ирония, будучи золотой серединой между ними [20, с. 64], выступает как нравственная добродетель в духе Аристотеля.

Пафос монолитен и, как всякий монолит, он только медленно разрушается, но не способен к развитию своего содержания. В состоянии пафоса можно осознавать

только единственный смысл, многомерностью явлений в нем приходится пожертвовать ради силы переживания. Пафос не рефлексивен, а потому не знает своих границ, за которыми он должен уступить место другому смыслу. Пафос необходим для придания моральной мотивации силы и убедительности, но, акцентируя единственный смысл моральной ценности, он обладает «точечным» действием: постоянный пафос неестественен для психики, вызывает подозрение в лицемерии и, главное, в моральной ограниченности субъекта. «В результате, борясь против одних проявлений зла, он (пафос. – Е. Б.) вызывает еще большие несчастия и несправедливости» [21, с. 500–501]. Данное явление Л. Свенсен назвал «идеалистическим злом» [22], А. Бадью – «злом как катастрофой», «абсолютизацией силы истины» [23]. По сравнению с пафосом, фанатично провозглашающим однозначность морального смысла, ирония обладает существенными преимуществами в осмыслении богатства морального мира.

От цинизма же ирония отличается настолько сильно, что существование «циничной иронии» кажется оксюмороном. Циничный взгляд на вещи поверхностен, ирония же видит «слоистость» любого явления, движется в его глубину. У циника все отношения упрощены до вульгарного потребительства и манипуляторства, поскольку с людьми «все ясно»: они ничтожны. Для ироника подлинное всегда скрыто; любой человек, мотив, поступок имеет как минимум две интерпретации, а на любой вопрос есть по крайней мере три правильных ответа. Цинизм есть равнодушие к миру и его проблемам, ирония, как уже отмечалось, это обязательно ценностная ориентация, заинтересованность в том, чтобы добраться до «самой сути». Циник относится к миру как к бессмыслице, в которой глупо и невозможно совершать нравственные деяния, ироник же всю жизнь ведет борьбу за смысл, постоянно продолжая нравственные усилия именно в силу их относительности.

Почему смысл выявляется только в противоречии, в столкновении явного и скрытого смысла, мнимого и подлинного? Потому что смысл динамичен, процессуален, в то время как жесткая фиксация приводит к его рассеиванию. Важнейшая и знаковая категория этики – смысл жизни – лучшее тому подтверждение. Сообщение, декларация, вербальная формулировка ничего не дают вопрошающему и вопиющему о смысле. Только в противоречивом нравственном опыте, в деятельности по осмысливанию, в применении иронического отношения субъект обнаруживает смысл происходящего.

Конституирование коммуникативного иронического морального субъекта

Ироническое соотношение смыслов, характеризующее саму мораль, самовыявляется в коммуникации морального субъекта и побуждает его пользоваться ироническим отношением уже как инструментом познания и способом решения нравственных проблем. В человеческом общении соотношение явного и скрытого смыслов морали выявляется посредством месседжей, посылаемых коммуникативным ироническим моральным субъектом. Полноценная ирония предполагает зрителей – слушателей – читателей, к которым обращено ироническое послание по поводу морали (пусть это даже сам иронизирующий субъект). Общение с множеством разнообразных моральных субъектов создает пространство функционирования иронического отношения в дискурсивных практиках. В процессе коммуникации ироническое противоречие смыслов затрагивает экзистенциальную структуру субъекта, поэтому оно не только фиксируется в понятиях языка, но и переживается эмоционально. В контексте человеческой коммуникации моральный субъект осознает свое место среди других моральных субъектов, свой неабсолютный статус, двойственный смысл всех моральных феноменов. Объективная ирония морали, слои которой имеют постоянно меняющиеся и ускользающие смыслы, указывает любому субъекту на границу его нравственных возможностей и предполагает самоиронию как обязательную характеристику субъекта.

В структуре морального субъекта ироническое проявляется, например, как преодоление эгоизма, как способность дистанцироваться от своих интересов и страстей, от абсолютизации собственной позиции, значимость которой по большому счету мнимая. Большинство систем нравственности так или иначе содержат запрет на эгоистическое поведение. Но если подавление со стороны религиозной или общественной морали воспринимается индивидом негативно и вызывает протест, то добровольное следование нравственным установкам предполагает осознание относительности собственного «Я», возникающее в результате иронического соотнесения себя с другими, а также с абсолютом. В результате «ироник не цепляется за свое “Я”, которое мешало бы ему выйти на субъект-субъектный уровень» [13, с. 152]. «Ирония на свой лад предполагает ослабление чувства “я”: не идти до конца в своей правоте, обмениваться точками зрения со своим противником» [11, с. 61]. В этом процессе ирония выполняет коммуникативную функцию, ориентирует на уважение к статусу Другого, на толерантное взаимодействие с иным. В то же время такой иронический процесс не разрушает идентичность морального субъекта, но делает ее более устойчивой за счет способности удерживать различные возможности, не быть привязанным к «точечной» идентичности. В процессе иронического рассеяния «Я» эгоизм оказывается мнимым, страсти ослабляются, психологические механизмы, выступающие основой безнравственного поведения, утрачивают силу. Подлинной же оказывается общительность субъекта, конституирующего свое «Я» в процессе взаимодействия. Ирония, как и мораль, принадлежит социальной коммуникации [24, с. 480].

Ироническое отношение создает в моральном мире субъекта пространство безопасности. Понимание соотношения явного и скрытого смыслов морали вызывает усмешку, облегчающую серьезность ситуации. «Серьезность нагромождает безысходные ситуации» (М. М. Бахтин [25, с. 358]), ирония же показывает практический выход. Серьезное отношение к противоречиям явного и скрытого смыслов, к тому, что подлинные нравственные ценности всегда скрыты, – дорога к нравственному бессилию. Ироническое же отношение – шанс удержать противоречие и установить конкретность морального, шанс настаивать на возможности морального в относительном мире. Усмешка как завершающий элемент иронического отношения дает эмоционально-волевой импульс поведению, энергию «правильной жизни». Потому ирония оказывается не только способом познания, но и образом действия. Усмешка ироника фиксирует не только осознание собственного несовершенства по сравнению с идеалом, не только понимание относительности самого идеала, но и относительности своей иронической позиции на фоне вечных абсолютных ценностей морали. Иронический субъект выступает как носитель личностного знания, знания-понимания, способный осознать непостижимую сложность морали. Переход от непонимания к пониманию происходит внезапно и трансгрессивно и дарует познающему душевную радость. Так иронический моральный субъект возвышается над ситуацией благодаря способности понимать подлинное соотношение смыслов и подлинную иерархию моральных ценностей, утверждает смысл над бессмыслицей неироничной действительности.

Заключение

Ироническое отношение присуще самой морали, это отношение между ее противоречивыми слоями смысла, одни из которых – скрытые, а другие – явные. Самовыявление этого обстоятельства в ее функционировании образует феномен иронии морали.

Одновременно ироническое отношение – это способ познания объективной иронии морали, которое осуществляет коммуникативный моральный субъект в ходе практического освоения морали и самопознания. Ироническое отношение как способ познания позволяет выявить противоречивую смысловую глубину морали в контексте ком-

муникации. Субъект реализует ироническое отношение как элемент диалектического или синергетического метода постижения саморазвивающегося феномена, каковым и является мораль.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева, Е. В. Структура иронического / Е. В. Беляева // *Философия и соц. науки*. – 2015. – № 1. – С. 47–52.
2. Шатуновский, И. Б. Ирония и ее виды / И. Б. Шатуновский // *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2007. – С. 340–372.
3. Гейко, С. М. Иронія як культурна універсалия: філософський аналіз : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 09.00.04 / С. М. Гейко ; Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова. – Київ, 2007. – 17 с.
4. Бочина, Т. Г. Серьезное в смешном / Т. Г. Бочина, Р. Р. Залялова ; Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Казань : Изд-во ТГГПУ, 2008. – 208 с.
5. Мечковская, Н. Б. Феномен «смешного» в речи, его языковые первоэлементы и внеязыковые механизмы / Н. Б. Мечковская // *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2007. – С. 140–153.
6. Воробьева, К. А. Специфика иронии среди других языковых средств комизма / К. А. Воробьева // *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2007. – С. 201–206.
7. Бакштановский, В. И. Социология морали: нормативно-ценностные системы / В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов // *Социс*. – 2003. – № 5. – С. 8–20.
8. Беляева, Е. В. Метаморфозы нравственности: динамика исторических систем нравственности / Е. В. Беляева. – Минск : Экономпресс, 2007. – 464 с.
9. Фукс, Э. Иллюстрированная история нравов: буржуазный век : в 3 т. / Э. Фукс ; пер. с нем. В. М. Фриче. – М. : Терра : Республика, 1996.
10. Зайчик, Х. В. Дело судьи Ди / Х. В. Зайчик. – М. : Азбука-классика, 2003. – 294 с.
11. Янкелевич, В. Я. Ирония. Прощение : пер. с фр. / В. Я. Янкелевич. – М. : Республика, 2004. – 335 с.
12. Андреев, Л. Н. Правила добра / Л. Н. Андреев. – М. : ЭКСМО, 2012. – 320 с.
13. Бралгин, Е. Ю. Этика смеха / Е. Ю. Бралгин. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. – 225 с.
14. Рюмина, М. Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность / М. Т. Рюмина. – 2-е изд., испр. – М. : КомКнига, 2006. – 320 с.
15. Рорти, Р. Случайность, ирония и солидарность / Р. Рорти ; пер. с англ. И. В. Хестановой и Р. З. Хестанова. – М. : Рус. феноменол. о-во, 1996. – 280 с.
16. Коновалова, О. А. Функциональная трансформация иронии в эпоху постмодерна / О. А. Коновалова // *Грамота*. – 2011. – № 1 (7). – С. 120–122.
17. Фархитдинова, О. М. Ирония: проблема определения и роль в философском познании : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / О. М. Фархитдинова ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2004. – 25 с.
18. Lear, J. Irony and identity : Tanner lectures on human values / J. Lear. – Chicago : Chicago Press, 2009. – 46 p.
19. Шрейдер, Ю. Смысл [Электронный ресурс] / Ю. Шрейдер // *Новая философская энциклопедия*. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01e9048140abc94af2d6f1e8>. – Дата доступа: 07.10.2019.

20. Осиновская, И. А. Ирония и Эрос. Поэтика образного поля / И. А. Осиновская. – М. : Памятники ист. мысли : РОССПЭН, 2007. – 208 с.
21. Нибур, Р. Почему Церковь не стоит на позициях пацифизма? / Р. Нибур // Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. – М. : Юристъ, 1996. – С. 514–534.
22. Свенсен, Л. Философия зла / Л. Свенсен. – М. : Прогресс-Традиция, 2008. – 352 с.
23. Бадью, А. Этика. Очерк о сознании Зла : пер. фр. / А. Бадью. – СПб. : Machina, 2006. – 126 с.
24. Дмитриев, А. В. Смех: социофилософский анализ / А. В. Дмитриев, А. А. Сычев. – М. : Альфа-М, 2005. – 592 с.
25. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; сост. С. Г. Бочаров. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2019

Belyaeva E. V. The Role of the Ironic Relation in Cognition of Morality

The article is devoted to the consideration of the role of the ironic relation in cognition, which goes beyond the boundaries of aesthetics and can be considered in relation to ethical issues. The relevance of this approach is determined by the features of the modern pluralistic world and the search the ways of right life in it. The ironic relation is inherent in morality itself; this is the relationship between its conflicting layers of meaning, some of which are hidden, while others are explicit. Self-explication of this circumstance in its functioning forms the phenomenon of the irony of morality. At the same time, an ironic relation is a way of knowing the objective irony of morality, which is carried out by a communicative moral subject in the course of the practical development of morality and self-knowledge. The ironic relation as a way of cognition reveals the conflicting semantic depth of morality in the context of communication.